

Осенняя

паутинка

АТИЯ ХУССЕЙН

Индия

РАССКАЗ

Атия Хуссейн — современная писательница, автор романа «Солнце над поверженной колонией» и ряда других книг. Рассказ «Осенняя паутинка» взят из ее сборника «Птица Феникс».

ОН ПОЗДНО вернулся с работы и прошел прямо в свою комнату. Хотелось как-то отделаться от давящей тишины улиц, где пустые трамваи и автобусы были разбросаны, как игрушки, позабытые детьми. Притихшие люди настороженно шагали по городу, ощущая присутствие вооруженных полицейских, они бросали враждебные взгляды на его машину, скользившую мимо них.

Услышав, что он вошел, жена велела слуге подать чай в гостиную и села у столика в ожидании. Когда он появился, она с настороженностью робкой натуры сразу уловила его дурное настроение.

— Что-нибудь случилось? Ты расстроен? — осторожно спросила она.

— Просто устал.

Он развернул вечернюю газету. Говорить не хотелось. Жена обладала отвратительной способностью воспринимать в упрощенном виде любую проблему, которая терзала его мозг. Если даже попытаться рассказать ей о причинах его беспокойства, то она все равно сведет это к банальной фразе — конечно, все не так, весь мир устроен не так.

Она налила чай, поднесла к губам свою чашку. Можно было без труда догадаться, о чем она думает — ее мысли перескакивают от детей к слугам, к хозяйству, к ней самой и, наконец, возвращаются к нему, к вечному центру ее помыслов.

— Обед сегодня запаздывает, — проговорила она. — Началась эта забастовка, и повару пришлось идти с рынка пешком. Ужас какой-то!

Он пришел в ярость. Если забастовщики решат провести свой митинг, несмотря на запрещение властей, может начаться настоящее кровопролитие, а у нее только и мысли, что о запаздывающем обеде!

Но он сдержался и сделал вид, что ничего не слышал.

Она решила подойти с другой стороны.

— Али звонил.

Он опустил газету.

— Али? Когда он приехал?

— Утром. Он должен скоро опять позвонить.

— Не сказал, сколько он здесь пробудет?

— Дня два. Я его приглашала на сегодня, но он сказал, что занят и что будет звонить.

Он снова уткнулся в газету, но грозные газетные заголовки перестали занимать его внимание.

Никакие острые проблемы не стояли перед ним, разве только личные, не навязанные извне, а рожденные чисто физиологическими причинами. Его мысли и поступки направлялись честолюбием — слабостью, которую он признавал в себе, но никогда не признал бы вслух, — и снобизмом, проявлявшимся бессознательно. В студенческие годы у него была уйма друзей, потому что он обладал всеми качествами отличного парня: прекрасный спортсмен, нравился девушкам, с должным минимумом усилий сдавал опротивевшие, но необходимые экзамены и с легчайшим пренебрежением относится к умственной и творческой деятельности — занятию эксцентричных неудачников.

Так думали все. Материальное благосостояние и щедрые чеки из дому казались ему такими же естественными, как то, что он живет на свете.

— Ты не помнишь, где у нас мои студенческие альбомы? — вдруг спросил он жену.

— Конечно, помню! Достать?

— Ну, не сейчас. Пусть просто будут под рукой. Иной раз хочешь показать их людям, а тут надо спрашивать, где они.

— Ничего не надо спрашивать, где они, я и так знаю, просто ты их никогда не берешь в руки, они только лишь...

Жена понимала, что продолжать бессмысленно.

Вернувшись на родину, он не мог заставить себя без раздражения подчиняться тому укладу, от которого он успел отвыкнуть за границей. Когда он получил назначение в большой современный город, где он мог устраиваться, как угодно, стало легче.

Он умел быть обаятельным, у него были деньги, и очень скоро он стал любимцем самого изысканного общества. Он очень старался оставаться студентом — и внешне, и внутренне, изображая баловня фортуны, которому разнообразные интересы смягчат удары судьбы. Первым настоящим ударом была смерть отца и необходимость выяснить свое финансовое положение, которое никогда раньше не было для него предметом серьезных размышлений. Постепенно заботы навалились на его сердце, он стал отвыкать от спокойной жизни — он стал изменяться на глазах.

— Нас пригласили на прием на той неделе, — заговорила жена. — Пойдем?

— О господи! Такая скука! — он не отрывался от газетного листа.

— Так я напишу, что мы не сможем.

С новой силой пробудилось в нем раздражение, и он бросил:

— С какой стати? Незачем обижать людей.

Уступив настойчивым уговорам матери и убедив себя, что ему, приверженцу философии циников, это все равно, он женился на девушке по выбору матери — на простеньком существе, совершенно не знавшем жизни, достаточно миловидном и покорном, чтобы усилить его чувство превосходства. Жена поддавалась его влиянию, как сургуч — давлению печатки, но какие-то частички ее «я» выскальзывали из-под печатки и неровно стыли по сторонам. И муж, и жена сознавали это. Жена становилась все покорней, муж — все требовательней.

— Я забыла сказать тебе — звонили из книжного магазина и сказали, что завтра прибывают книжки, которые ты заказал.

— Вот как? — заинтересованно откликнулся он. — Я уж не надеялся получить их. Слушай, — добавил он, улыбнувшись, — ты не могла бы съездить за ними? Там до того бестолковый народ, они их еще неделю не пришлют!

— С удовольствием. Я вот думаю, машина...

Увидев, что он углубился в газету, жена смолкла.

Он с полным основанием гордился своей библиотекой прогрессивной — он подчеркивал это в удобных случаях — литературы. Многих его старых приятелей удивит своей неожиданностью его поворот к вещам, которые он сам когда-то называл псевдоинтеллектуальным эксгибиционизмом. Ему же, гордившемуся врожденным тонким вкусом и уме-

нием судить обо всем, это казалось совершенно естественным после периода юношеского легкомыслия.

Он вступал в неудобный возраст — начало зрелости. Годы еще не влекли его к общению с пожилыми людьми, а молодежь недолюбливала его. Взросло новое поколение, олицетворявшее нетерпеливую серьезность. Это поколение не находило времени для забав его юности и относилось к ним пренебрежительно, чтобы не сказать хуже. Он внезапно очутился в пустоте.

Раскалывая звенящую тишину, жена спросила:

— Где сейчас может быть Арун?

— А почему ты о нем вспомнила? — нахмурился он.

— Я все думаю про обед, про то, что повар говорил, и что если и правда начинаются беспорядки, так Арун обязательно будет с забастовщиками, и как бы с ним не было беды, — ответила она совсем по-детски.

— О бог ты мой! Ты не в состоянии думать ни о чем, кроме обеда и неприятностей. Да ты понимаешь значение этой забастовки?

Он подогрел себя до ораторского накала:

— Идет открытая борьба прогресса и реакции...

— Я знаю, что мне не понять. Эти слова всякие — они меня путают. Я не все понимаю, что говорит Арун, но я вижу, какой он хороший, и не хочу, чтобы он попал в беду.

Ответа не последовало. Впрочем, она и не ожидала ответа. Выйдя из гостиной, она отправилась посмотреть, как дела на кухне.

Арун был надежным проводником для человека, искавшего, где бросить психологический якорь. Арун стал звеном, связавшим его с молодежью, — они были ровесниками, но Арун был сторонником новых идей. Арун — человек большой эрудиции, которая придает ему уверенность в себе. Он вообще счастливчик: много читает, ходит по митингам, работает во всяких обществах и комитетах. Завоевал себе место в новом мире.

Жена вернулась взволнованная:

— Повар говорит, там стреляли!

— Нужно ли тебе узнавать новости от прислуги? — Ледяное осуждение звучало в его голосе.

Жена с перепуганным видом уставилась на него:

— Если это правда, это так страшно! Не зря я беспокоилась за Аруна!

— Нельзя обращать внимание на кухонные слухи.

Она по-прежнему испуганно смотрела на мужа, чуть морща от волнения гладкий лоб.

Он всегда восхищался Аруном, хоть и не любил, когда ему говорили, что Арун, выросший в богатой семье, с детства окруженный роскошью и комфортом, сумел от всего отказаться, он обычно сам пересам... Защищаясь от нападок, он обычно сам пересам... ходит в наступление и говорит, что дело не в том,

что он обязан думать о жене и о детях, что важны не красивые фразы, а умение вынести верное суждение и не тормозить движение прогресса...

Жена печально сказала:

— У нас может все сорваться завтра. Может быть, лучше отложить, как ты думаешь?

— Что отложить?

— Наш вечер! Ты забыл?

— Брось думать о пустяках!

Его мало волновала отчужденность жены от проблем, имевших первостепенное значение для него. Он не духовной близости искал — ему нужно было, чтобы жена вела себя так, как он ей скажет. И она одинаково грациозно наливала чай родовитым аристократам, профессорам, чиновникам, революционерам. Муж с женой жили, как все: принимали гостей, ходили в гости. Новые идеи, привлекавшие мужа, для жены означали только новую категорию гостей, к которым нужно было приноровиться.

— Я тебя прошу, вернись пораньше с митинга и не опаздывай на вечер.

— С какого митинга?

— Я думала...

— Ах да! Я решил не ходить.

Он встал и вышел из гостиной, чтобы скрыть тревогу. Опять душевное потрясение — противоречие между его убеждениями и поступками. Мир был разделен на противоположные идеологические лагери, которые отдалялись один от другого так быстро, что нужно было поскорей выбрать какой-нибудь из них.

Резко зазвонил телефон.

— Возьми трубку! — крикнула жена. — Это, наверное, Али!

Она слушала веселое приветствие, потом голос мужа изменился, в нем появилась нервозность, неуверенность.

Он говорил недолго, но, войдя в гостиную, встретил жену своим видом.

— Что случилось? Кто это звонил?

Вместо ответа он тихо попросил:

— Сделай, чтобы меня не беспокоили. Вели прислуге отвечать, что нас нет дома.

Жена ошеломленно кивнула и вышла. Вернувшись, она застала мужа нервно меряющим комнату шагами, но больше не решилась ни о чем спрашивать.

Он чутко прислушивался и, когда раздался негромкий, но настойчивый стук, решительно шагнул к двери.

— Арун! — воскликнула жена.

Арун растянул губы в невеселую улыбку. Он был страшно бледен и шумно дышал.

Муж молча запер дверь.

— Я не мог все объяснить по телефону, — сказал Арун. — Я рискнул зайти в ресторан позвонить, потому что хотел знать, одни ли вы.

Он перевел дыхание и просто сказал:

— Полиция меня ищет.

— Полиция! — ахнула жена и прижала ладонь ко рту.

— Так чем я могу быть полезен? — спросил муж, нервно поглядывая на дверь.

— Я хотел бы переночевать у вас.

— У нас? — голос прозвучал высоко и надтреснуто.

— Я не могу выйти на улицу, мне нельзя выходить. Если они арестуют меня завтра, это не страшно, а сегодня — нельзя. Я должен быть на свободе до завтра. От этого многое зависит. Вы мне всегда помогали, помогите сейчас!

— Но полиция знает, что мы друзья! — бормотал муж. — Они могут прийти за тобой сюда, они меня знают.

— Именно потому, что знают, поэтому и не придут, — холодно ответил Арун.

— Тебя может увидеть прислуга! — побагровел муж. — Нам некуда спрятать тебя от прислуги.

— Ты не представляешь себе, как это мне нужно! Я пришел сюда только потому, что рассчитывал на тебя.

— Что угодно, кроме этого! — у него прервался голос. — Может, тебе нужны деньги? Деньги, чтобы скрыться. Ты тоже должен понять...

Он будто споткнулся о холодный, полный упрека взгляд немигающих глаз на худом лице.

— Я тебя понял.

Арун медленно шел к двери.

— Арун! — негромко позвала она.

Он повернул бледное лицо.

— Не уходите, Арун!

Перевела с английского
М. САЛГАНИК

ИНДИЙСКИЕ ПОСЛОВИЦЫ И ПОГОВОРКИ

В долг возьмешь, на мученья себя обречешь.

*

*Уничтожив девятьсот мышей, кошка
отправилась в Мекку.*

*

Сначала заслужи, а потом требуй награды.

*

*Не ссорься с крокодилом,
если ты находишься в воде.*